

Роберт Стивенсон

**Повесть о доме с
зелеными ставнями**

Новые тысячи и одна ночь

Роберт Льюис Стивенсон

**Повесть о доме с
зелеными ставнями**

«Public Domain»

1878

Стивенсон Р.

Повесть о доме с зелеными ставнями / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1878 — (Новые тысячи и одна ночь)

«Фрэнсис Скримджиэр служил чиновником шотландского банка в Эдинбурге. Ему было двадцать пять лет. Жизнь он вел спокойную, почтенную, тихо семейную. Мать его умерла, еще когда он был молод, но его отец, человек здравомыслящий и честный, дал ему превосходное школьное образование и развил в нем привычку к порядку и умеренности. Фрэнсис служил усердно, отдавался своему делу всей душой. Субботняя прогулка, обед дома в семье, ежегодно двухнедельная поездка в шотландские горы или на континент — таковы были его главнейшие развлечения. Начальство любило и ценило его с каждым днем все больше и больше, он получал уже двести фунтов в год жалованья и имел в виду дослужиться напоследок до места с вдвое большим окладом. Мало было молодых людей таких дельных, веселых, всем довольных и трудолюбивых, как Фрэнсис Скримджиэр. Иногда по вечерам он играл на флейте, чтобы доставить удовольствие отцу, которого он очень уважал за его душевные качества...»

© Стивенсон Р., 1878

© Public Domain, 1878

Роберт Стивенсон

Повесть о доме с зелеными ставнями

* * *

Фрэнсис Скримджиэр служил чиновником шотландского банка в Эдинбурге. Ему было двадцать пять лет. Жизнь он вел спокойную, почтенную, тихо семейную. Мать его умерла, еще когда он был молод, но его отец, человек здравомыслящий и честный, дал ему превосходное школьное образование и развил в нем привычку к порядку и умеренности. Фрэнсис служил усердно, отдавался своему делу всей душой. Субботняя прогулка, обед дома в семье, ежегодно двухнедельная поездка в шотландские горы или на континент – таковы были его главнейшие развлечения. Начальство любило и ценило его с каждым днем все больше и больше, он получал уже двести фунтов в год жалованья и имел в виду дослужиться напоследок до места с вдвое большим окладом. Мало было молодых людей таких дельных, веселых, всем довольных и трудолюбивых, как Фрэнсис Скримджиэр. Иногда по вечерам он играл на флейте, чтобы доставить удовольствие отцу, которого он очень уважал за его душевные качества.

Однажды он получил письмо от известной фирмы «Писцов королевской печати», в котором эти «писцы» выражали желание повидаться с ним и приглашали пожаловать для переговоров. На письме была пометка: «В собственные руки. Секретно» и было оно адресовано в банк, а не на квартиру. Он поспешил отправиться в помещение этой адвокатской конторы. Его принял главный член фирмы, мужчина с очень строгими манерами, важно поздоровался с ним и пригласил садиться. В отборных, точных выражениях старого опытного дельца юрист изложил Фрэнсису сущность дела. Лицо, не желающее открывать своего имени, но о котором адвокат имеет все причины быть самого хорошего мнения, лицо притом довольно влиятельное, намеревается предоставить Фрэнсису ежегодный доход в пятьсот фунтов. Капитальная сумма будет находиться под надзором адвокатской фирмы и двух попечителей, которые тоже не откроют своих фамилий. Разумеется, это делается под известными условиями, но адвокат полагает, что эти условия не тяжелы и не унижительны. Последние два слова адвокат повторил два раза с выразительным подчеркиванием.

Фрэнсис пожелал узнать, что за условия.

– Условия не унижительные и не обременительные, – сказал «писец королевской печати», – как я уже говорил вам два раза и говорю в третий. Но вместе с тем я не скрою от вас, что они довольно необычны. К вам они очень мало подходят, и я бы даже отказался брать на себя это дело, если бы не громкая репутация моего доверителя и, смею прибавить, не моя симпатия к вам, мистер Скримджиэр, возбуждающая во мне желание принести вам посильную пользу.

Фрэнсис попросил у адвоката дальнейших объяснений.

– Вы не можете себе представить, как меня заинтересовали эти условия, – сказал он.

– Их два, – отвечал юрист, – всего только два, а между тем сумма, напоминаю вам, составляет пятьсот фунтов в год и притом без вычетов, – я забыл прибавить, – без вычетов. Доход чистый.

В знак особой торжественности адвокат высоко приподнял брови.

– Первое условие замечательно по своей простоте, – сказал он. – Вы должны быть в Париже в воскресенье пятнадцатого числа днем. Там вы в кассе театра «Comédie Française» спросите купленный на ваше имя билет, который будет вас там дожидаться. Затем вас только просят просидеть в течение всего представления на отведенном для вас месте. Вот и все условие.

– Я бы предпочел, чтобы это было в простой день, а не в воскресенье, – сказал Фрэнсис. – Но так как это в дороге...

– И притом, любезный сэръ, в Париже, – с предупредительностью подсказал адвокат. – Я сам очень строго соблюдаю воскресные дни, но для такого дела и вдобавок в Париже я бы не стал ни минуты колебаться.

Оба засмеялись очень весело.

– Другое условие важнее, – продолжал адвокат. – Оно касается вашей женитьбы. Мой доверитель, принимая самое живое участие в вашей судьбе, желает, чтобы вы выбрали себе жену исключительно по его указанию. Понимаете: исключительно и безусловно, – повторил адвокат.

– Пожалуйста, нельзя ли яснее, – попросил Фрэнсис. – Значит ли все это, что я должен буду на ком-то жениться, на вдове или на девушке, на брюнетке или на блондинке, по выбору той невидимой личности, о которой вы говорите?

– Я могу вас заверить, что ваш благодетель принял во внимание все: и возраст, и положение в обществе, – отвечал адвокат. – Только вот насчет происхождения я ничего не знаю, не имел возможности справиться. Но, если вы желаете, я это сделаю при первом удобном случае и дам вам знать.

– Ведь еще остается узнать, сэръ, – сказал Фрэнсис, – не обман ли какой-нибудь все это дело? Тут все необъяснимо, даже можно сказать невероятно, и пока на это дело не прольется больше света, я в сделку не вступаю, это я говорю вам прямо. Вы должны познакомить меня с самой сутью дела, и если вы ее не знаете, или не угадываете, или не можете мне сказать, – связаны обещанием, – то я, простите меня, надеваю в таком случае шляпу и уйду обратно в банк.

– Я не знаю, но отлично догадываюсь, – отвечал адвокат. – Корень всему этому делу, с виду такому странному, ваш отец и еще одна личность.

– Мой отец! – воскликнул с крайним пренебрежением Фрэнсис. – Почтеннейший сэръ, я знаю каждую мысль в голове моего отца и каждую копейку в его кармане.

– Вы меня не поняли, – сказал юрист. – Я говорю не о мистере Скримджиэре старшем. Он вам совсем не отец. Когда он и его жена приехали в Эдинбург, вам было уже около года, между тем как на их попечении вы находились только три месяца. Секрет соблюдался очень старательно, это факт. Ваш отец неизвестен, и я вновь повторяю, что, по моим догадкам, переданные мною вам предложения исходят не иначе, как от него.

Невозможно себе представить изумление Фрэнсиса Скримджиэра при этом неожиданном сообщении. Он поделился своим смущением с адвокатом.

– Сэръ, – сказал он, – после такого короба новостей вы мне должны дать несколько часов на размышление. Я сегодня вечером вам скажу свое окончательное решение.

Адвокат похвалил его за осмотрительность, и Фрэнсис, выдумав для банка какой-то предлог, отправился за город и долго гулял там, со всех сторон обдумывая дело. В конце концов – ведь пятьсот фунтов в год, а условия хотя и странные, но вовсе не особенно страшные. И потом он открыл, что ему очень не нравится его фамилия – Скримджиэр, хотя раньше он ничего такого не замечал. Наконец, эта его теперешняя жизнь с крохотными, узкими, скучными интересами... Домой он уже возвращался с каким-то новым ощущением силы и свободы, делая самые радостные предположения.

Он сказал адвокату только одно слово и тут же получил от него чек за две четверти года, так как доход ему сосчитан был с первого января. С чеком в кармане он пошел домой. Скотланд-стрит показался ему таким ничтожным и грязным, его обоняние впервые запротестовало против запаха шей, а дома ему вдруг что-то не понравились манеры его приемного отца. На следующий же день он уехал в Париж.

В этом городе, куда он приехал задолго до назначенного срока он остановился в одной скромной гостинице, посещавшейся англичанами и итальянцами, и сейчас же занялся французским языком, с этой целью пригласил к себе учителя на два урока в неделю и стал вступать в разговоры с фланерами на Елисейских полях. Каждый вечер стал ходить в театр. Нашил себе костюмов по самой последней моде. Брился и причесывался каждое утро в соседней парикмахерской. Словом, сделался совсем парижанином.

Наконец, в субботу днем, он явился самолично в кассу театра на улице Ришелье. Только что он сказал свою фамилию, как ему подали билет в конверте с его адресом.

– Сию минуту только его для вас купили, – сказал кассир.

– В самом деле? – сказал Фрэнсис. – А каков был из себя тот, кто брал билет?

– О, его легко запомнить, старик, очень крепкий и красивый, весь седой, на лице рубец от сабли. Сразу можно его узнать среди тысячи людей.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Фрэнсис.

– Он не мог уйти далеко, – прибавил кассир, – если вы поскорее пойдете, то непременно догоните его.

Фрэнсис не заставил повторять себе этот совет два раза и выбежал из театра прямо на середину улицы, озираясь во все стороны. Много пересмотрел он седых людей и всем заглядывал в лицо, но ни одного не оказалось с рубцом от сабли. С полчаса ходил он по всем соседним улицам, пока не убедился в нелепости своих поисков. Тогда он прекратил их и остановился, стараясь успокоить свое возбуждение. Молодого человека глубоко волновало сознание, что около него где-то близко находится настоящий виновник его приключений.

Случилось так, что ему пришлось идти по улице Друо, а потом по улице Мучеников. И случай в данном деле послужил ему на пользу лучше всяких предположений в мире. На бульваре он увидел двух мужчин, которые сидели на скамейке и вели между собой очень серьезную деловую беседу. Один был молодой, смуглый и красивый, на нем было обыкновенное светское платье, но вся наружность изобличала в нем духовное лицо. Другой как раз подходил под описание, сделанное театральным кассиром. У Фрэнсиса сильно забилося сердце в груди, он знал теперь, что скоро услышит голос своего отца. Сделав большой обход, он подобрался к беседующим и беззвучно поместился позади них. Разговор, как и ожидал Фрэнсис, происходил на английском языке.

– Ваши подозрения начинают мне, Ролльс, надоедать, – говорил старик. – Я вам говорю, что я делаю, что могу. В одну минуту миллионов не схватишь рукой. Разве я не поддерживаю вас, совершенно постороннего мне человека, по своей доброй воле? Разве вы не пользуетесь широко моей щедростью?

– За счет будущих благ, мистер Ванделер, – поправил его собеседник. – Ведь это все дается мне в долг и потом вычтется.

– Ну, в долг, если это вам больше нравится. И не по доброй воле, а только из-за выгоды, – с сердцем возразил Ванделер. – Я не стану спорить из-за слов. Дело так уж дело, а с вами делать дело очень трудно при подобных условиях. Что-нибудь одно – или вы доверьтесь мне, или уж оставьте меня и найдите себе кого-нибудь другого. Но только покончите, ради самого Господа, раз навсегда с этими вашими иеремиадами.

– Я начинаю узнавать людей, – отвечал младший, – и вижу, что вы со мной неискренни, поступаете нечестно. Другого выражения не подберу. Вам хочется удержать алмаз за собой, вы не решитесь это отрицать, я знаю. Я понял причину ваших оттяжек и отсрочек, вам хочется выждать время, вы настоящий охотник за алмазами, это верно, и рано или поздно тем или другим способом, не мытьем так катаньем вы добьетесь своего. Но я говорю вам, довольно. Остановитесь. Не выводите меня из терпения. Еще один шаг дальше – и я устрою вам сюрприз.

– Не угрожайте, пожалуйста, не страшно, – возразил Ванделер. – Палка-то ведь о двух концах. Мой брат сейчас в Париже. Полиция поставлена на ноги. И если вы не перестанете

надоедать мне своим мяуканьем, то я сам приготовлю некоторый сюрприз для вас, мистер Ролльс. Но только это будет уже раз навсегда. Вы поняли, или я должен повторить вам все опять на еврейском языке? На свете всему бывает конец, пришел конец и моему терпению. Так вот-с – вторник, в семь часов. Ни на один день, ни на один час позднее. Ни на малейшую долю секунды, хотя бы дело шло о спасении вашей жизни. Если же вы не желаете ждать, то убирайтесь вон, провалитесь хоть в тартарары, мне все равно, и будьте здоровы!

С этими словами диктатор встал со скамейки и пошел по направлению к Монмартру, с самым свирепым видом, трясая головой и размахивая палкой, а его собеседник остался на месте в полном унынии.

Фрэнсис был просто вне себя от ужаса и удивления. Его чувства были оскорблены и возмущены до последней степени. С какой надеждой, с какой нежностью в сердце садился он на скамью – и к какому пришел разочарованию и отвращению! Старик мистер Скримджиэр, думалось ему, гораздо добрее и благонадежнее этого опасного и жестокого интригана. Однако он сохранил в себе полное присутствие духа и не упустил ни одной минуты, а сейчас же погнался по горячему следу за диктатором.

Старый джентльмен шел быстрым шагом вперед, подгоняемый яростью, и дошел до своего дома, ни разу не оглянувшись назад.

Его дом находился на улице Лепик, с которой открывается вид на весь Париж, и где такой чистый воздух от окрестных холмов. Дом был двухэтажный с зелеными оконными ставнями. Все окна, выходившие на улицу, были плотно закрыты. Из-за высокой ограды сада видны были вершины деревьев, а сама ограда, кроме того, была еще прикрыта *cheveux de frise*. Диктатор остановился, достал из кармана ключ, потом отпер калитку и вошел во двор.

Фрэнсис огляделся кругом. По соседству с домом было пустынно. Дом стоял одиноко в саду. Сначала ему показалось, что больше нечего и осматривать, но когда он во второй раз поглядел кругом, то увидел рядом другой большой дом, одно из верхних окон которого выходило как раз в тот же сад. Он прошел мимо этого дома и увидел билетик с объявлением о сдаче помесечно комнаты без мебели. Он зашел, спросил и узнал, что окно в сад диктатора принадлежит как раз к одной из сдающихся комнат. Фрэнсис тут же заплатил вперед и поехал в гостиницу за своим багажом.

Старый джентльмен мог быть и не быть его отцом, Фрэнсис мог напасть, но мог и не напасть на верный след, но в одном он был убежден, что он добрался случайно до какой-то интереснейшей тайны, и эту тайну он задумал узнать до конца.

Из окна комнаты, нанятой Фрэнсисом Скримджиэром, виден был, как на ладони, весь сад при доме с зелеными ставнями. Под самым окном рос красивый, развесистый каштан, а под ним в тени стояли два простых деревянных стола, за которыми в летнюю жару, вероятно, обедали. Везде в саду была густая трава, но между столами и домом шла усыпанная песком дорожка от веранды к садовой калитке. Осматривая местность через промежуток между створками венецианского ставня, которого он, из осторожности, не открыл совсем, чтобы не обратить на себя внимание, Фрэнсис ничего особенного не заметил относительно образа жизни обитателей дома, кроме очевидной любви к таинственности и уединению. Сад был похож на монастырский, а дом напоминал тюрьму. Зеленые ставни были везде закрыты, дверь на веранду затворена. В саду, насколько можно было заметить при вечернем солнце, не было никого. Только маленькая струйка дыма, выходившая из трубы, указывала на то, что в доме живут люди.

Не желая предаваться праздности, а желая придать известный колорит своему образу жизни, Фрэнсис купил себе геометрию Евклида на французском языке и занялся теперь ею, положив книгу на чемодан, и усевшись на полу, так как в комнате не было ни стола ни стула. Время от времени он вставал и рассматривал дом с зелеными ставнями, но окна его были по-прежнему закрыты, а сад пуст.

Только поздно вечером он был несколько вознагражден за свое неослабное внимание. Между девятью и десятью часами раздался громкий, пронзительный звонок, который вывел его из дремоты. Он подбежал к своему наблюдательному посту и сперва услышал громкое щелканье замков и задвижек, а потом увидел мистера Ванделера с фонарем в руках, в черном бархатном халате и такой же ермолке. Обитатель дома с зелеными ставнями сошел с веранды и направился к воротам. Опять загревели засовы и щеколды. Через минуту Фрэнсис увидел, что диктатор провожает в дом при слабом неверном свете фонаря какого-то субъекта самой непредставительной и даже подозрительной наружности.

Через полчаса посетителя тем же порядком выпроводили на улицу. Мистер Ванделер поставил фонарь на один из деревянных столов и под листвой каштана стал жокурировать, о чем-то глубоко раздумывая, свою сигару. Фрэнсис следил за ним сквозь просвет в листве и видел, как он затягивается, как стряхивает пепел. Сигара была почти уже докурена, как из дома послышался голос молодой девушки, которая сообщила старику который час.

– Сию минуту! – отозвался Джон Ванделер.

Он бросил окурок сигары, взял фонарь и скрылся в темноте на веранде. Дверь заперли, и дом погрузился опять в полную темноту. Как ни напрягал свое зрение Фрэнсис, он не мог разглядеть за ставнями ни малейшей полоски света и сделал из этого правильный вывод, что спальни находятся на другой стороне дома.

Ночь он проспал без всяких удобств на полу и на другой день проснулся рано. Ставни дома оказались отворенными, шторы были подняты, комнаты проветривались утренним воздухом. Через несколько минут, однако, мистер Ванделер собственноручно спустил опять шторы и закрыл ставни.

Фрэнсис смотрел и изумлялся, к чему такая предосторожность. В это время из дома вышла молодая девушка и заглянула в сад. Она пробыла вне дома не больше двух минут, но Фрэнсис успел заметить, что она прехорошенькая и замечательно мила и привлекательна. Она произвела на него сильное впечатление и возбудила в нем любопытство в высшей степени. Неприятные манеры и двусмысленный образ жизни его отца сразу потеряли для него половину значения и отошли на задний план. Он почувствовал к своей новой семье горячее влечение. И кто бы ни была эта молодая девушка, он решил, что она – переодетый ангел. Вследствие этого он вдруг пришел в ужас при мысли, что, в сущности, он узнал очень мало, что он, быть может, просто ошибается и, выследив мистера Ванделера, выследил совсем не того, кого было нужно.

Он расспросил своего швейцара, но тот мог ему сообщить очень немного. Но и то, что сообщил швейцар, было по существу таинственно и загадочно. Сосед был очень, очень богатый английский джентльмен с самыми странными вкусами и привычками. У него были собраны большие коллекции, и держал он их у себя в доме, в котором ради них устроил стальные ставни, усовершенствованные хитрые запоры, а садовую ограду снабдил острыми кольями. Жил он уединенно, хотя принимал иногда посетителей весьма странного вида. С ними у него были, должно быть какие-нибудь дела. Но в доме, кроме его самого, жила только *mademoiselle* и старуха-служанка.

– *Mademoiselle* – это его дочь? – спросил Фрэнсис.

– Дочь, – отвечал швейцар, – родная дочь. Удивительно, как она трудится. При всем их богатстве, она сама ходит на рынок, и каждый день ее можно встретить с корзинкой в руке.

– А какие же у старика коллекции? – спросил Фрэнсис.

– Говорят, будто они несметной стоимости. Но больше я ничего не могу сказать, потому что не знаю. Однако до приезда господина де Ванделера никто здесь во всем квартале не привозил с собой столько вещей.

– Из чего же состоят эти его коллекции? – продолжал допытываться Фрэнсис. – Что же у него там – картины или шелковые материи, или статуи, или драгоценные камни, или что?

– Право же сударь, я не знаю, – пожал плечами швейцар. – Может быть там у него одна морковь – разве я видел? Вы сами, я думаю, заметили: дом охраняется, точно крепость.

Разочарованный Фрэнсис пошел к себе в комнату. Швейцар окликнул его снизу лестницы.

– Я вспомнил вот что, сударь, – сказал он. – Господин де Ванделер побывал во всех частях света, и я слышал один раз от старухи, что он привез с собой уйму бриллиантов. Если это правда, то за этими ставнями много интересного.

В воскресенье Фрэнсис спозаранку отправился в театр и сел на свое место. Оно оказалось вторым или третьим номером с левой стороны, как раз напротив одной из нижних лож. Место для него было выбрано точно нарочно такое, чтобы за ним самим можно было наблюдать из ложи, а от его наблюдений можно бы было спрятаться в глубину ее. Фрэнсис чувствовал, что эта ложа тесно связана с драмой, в которой он играет бессознательную роль. Он дал себе слово не спускать с этой ложи глаз во время представления, и когда начался первый акт, не столько смотрел на сцену, сколько косился на ложу, но она все время была пуста.

Почти в конце второго акта дверь ложи отворилась, в нее вошли мужчина и дама и сели в самом дальнем и темном углу. Фрэнсис едва мог справиться со своим волнением. Вошедшие были – мистер Ванделер и его дочь. Кровь быстрее побежала по его жилам, закружилась голова, зашумело в ушах. Он боялся взглянуть, чтобы не вызвать подозрений, программа, которую он держал перед собой и перечитал несколько раз от начала до конца, представилась его глазам не белой, а красной, а когда он глядел на сцену, то слова и жесты актеров и актрис казались ему неуместными и нелепыми.

Несколько раз он однако решился украдкой взглянуть на интересовавшую его ложу и один раз ему даже показалось, что он встретился глазами с молодой девушкой. По его телу пробежала дрожь, в глазах замелькали все цвета радуги. Чего бы он не дал за то, чтобы услышать, о чем говорили между собой Ванделеры! Как ему хотелось навести на их ложу бинокль и хорошенько посмотреть на их позы и выражение лиц! Но у него на это не доставало мужества. Он знал, что в ложе Ванделеров решается его судьба, но не только не мог вмешаться, а должен был, в бессильной тревоге, пассивно ожидать результата, сидя там, где его посадили.

Но вот действие кончилось. Занавес упал, и публика стала выходить, пользуясь антрактом. Нисколько не будет странно, если выйдет из залы и он вместе с другими, и ничего не будет удивительного в том, что он пройдет мимо самой ложи, потому что другой дороги нет. Призвав на помощь все свое мужество и низко опустив глаза, Фрэнсис направился к ложе. Он шел очень медленно, потому что впереди двигался еле-еле какой-то пожилой джентльмен, страдавший одышкой. Что ему сделать, когда он будет проходить мимо ложи? Назвать Ванделеров по фамилии? Вынуть из своей петлицы цветок и бросить в ложу? Или просто устремить долгий и томный взгляд на молодую девушку, которая ему или сестра, или невеста? Размышляя обо всем этом, он между прочим, вдруг вспомнил свою прежнюю спокойную жизнь и службу в банке – и ему сделалось невольно жалко своего тихого прошлого.

К этому времени он дошел, наконец, до самой ложи, так и не придумав, что ему сделать. Он повернул голову, поднял глаза – и не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от разочарования. Ложа была пуста. Пока он медленно проходил к ней, мистер Ванделер и его дочь потихоньку скрылись.

Кто-то сзади учтиво напомнил ему, что он сам стоит на месте и другим не дает пройти, загораживая проход. Тогда он машинально пошел вперед и без сопротивления позволил толпе увлечь себя прочь из театра. На улице, где давка сейчас же прекратилась, он остановился и очень скоро опомнился на прохладном ночном воздухе. Он с удивлением почувствовал, что у него жестоко болит голова, и что он не помнит ни одного слова из только что виденных им двух актов. Возбуждение прошло и сменилось непреодолимым желанием поскорее лечь спать.

Он подозвал фиакр и поехал домой в состоянии крайнего изнурения и с чувством глубокого отвращения к жизни.

На следующее утро он стал подстергать, когда мисс Ванделер пойдет на рынок, и ровно в восемь часов увидел ее, идущую по переулку. Одета она была просто, почти бедно, но в том, как она несла голову, во всех движениях ее гибкого тела было что-то благородно-аристократическое. Даже ее корзина, которую она держала как-то особенно ловко и красиво, казалась не простой хозяйственной вещью, а украшением. Фрэнсису казалось, что она всюду на своем пути должна вносить солнечный свет и разгонять мрак. Он вбежал в подъезд и, когда она проходила мимо, окликнул ее сзади по имени:

– Мисс Ванделер!

Она обернулась и, как только увидела его и узнала, сейчас же смертельно побледнела.

– Простите меня, – сказал он ей. – Видит Бог, я не хотел вас пугать, да во мне и нет ничего страшного. Поверьте, я действую скорее по необходимости, чем по доброй воле. У нас с вами столько общего, а между тем я, к сожалению, нахожусь в потемках. Мне бы многое следовало сделать, но у меня связаны руки. Я даже не знаю, что я должен чувствовать, не знаю, кто мои друзья и кто мои враги.

Она с трудом проговорила – голос долго ее не слушался:

– Я не знаю, кто вы такой.

– Знаете, мисс Ванделер, – возразил он. – Простите мою настойчивость, но я убежден, что вы лучше меня знаете все. А вот именно мне прежде всего и хотелось бы узнать, кто я. Скажите мне все, что вы об этом знаете, – умолял он. – Скажите мне, кто я и кто вы и почему моя и ваша судьба оказались в какой-то связи. Окажите мне маленькую помощь в жизни, мисс Ванделер, скажите одно или два словечка мне для руководства, скажите мне хоть только фамилию моего отца – и я вам останусь благодарен на всю жизнь.

– Не буду пытаться вас обмануть, – отвечала она, – я знаю кто вы, но только я не имею права говорить.

– Скажите мне, по крайней мере, что вы не сердитесь на меня за мою смелость, и я запасаюсь терпением и буду ждать, – сказал он. – Если мне не следует это знать – что ж, обойдусь и без этого. Это жестоко, но я могу это перенести. Только не увеличивайте моего горя, не заставляйте меня думать, что я своим поступком сделал из вас себе врага.

– Вы поступили вполне естественно, – сказала она, – и мне на вас не за что сердиться. Прощайте.

– Как «прощайте»? Неужели совсем?

– Этого я не знаю сама, – отвечала она. – Во всяком случае на сегодня прощайте.

С этими словами она удалилась.

Фрэнсис вернулся к себе в комнату с совершенно перепутанными мыслями. Работа над Евклидом продвигалась у него очень туго, он гораздо больше времени проводил у окна, чем у своего самодельного письменного стола. Но около дома с зелеными ставнями до самого полудня не случилось ничего интересного, если не считать возвращения мисс Ванделер с рынка и встречи ее с отцом, который сидел на веранде и курил трихинопольскую сигару. Время было завтракать. Молодой человек сбегал в ближайший ресторан, наскоро утолил голод и торопливо вернулся к дому на улице Лепик. Мимо сада верховой лакей проводил оседланного коня. Швейцар дома, где жил Фрэнсис, стоял в подъезде, курил трубку и любовался ливреей и лошадьми.

– Взгляните, – сказал он молодому человеку, – какие прелестные лошади! Какой элегантный костюм на лакее! Это верховой выезд брата господина де Ванделера, который приехал к нему с визитом. Этот брат – большой человек, генерал у вас на родине. Вы, вероятно, знаете его понаслышке.

– Откровенно вам скажу, я никогда и не слышал до сих пор о генерале Ванделере, – отвечал Фрэнсис. – У вас в Англии генералов очень много, а я служил всегда по гражданской части.

– У него недавно украли огромный индийский бриллиант, – продолжал швейцар. – Уж об этом-то вы в газетах наверное читали.

Отделавшись кое-как от словоохотливого швейцара, Фрэнсис прибежал к себе наверх и сейчас же бросился к окну. Как раз под тем местом, где приходился просвет в листе каштана, сидели два джентльмена и беседовали, покуривая сигары.

Генерал, краснолицый мужчина с военной выправкой, имел со своим братом заметное фамильное сходство, черты лица были похожи, было что-то общее во властных, непринужденных манерах, но генерал был старше, меньше, как-то зауряднее с виду, сходство его с братом было довольно карикатурное, и рядом с диктатором он казался бледным и ничтожным.

Говорили они так тихо, сидя у стола, что Фрэнсис мог расслышать всего только одно или два слова, но по этим словам он все-таки догадался, что речь идет о нем и о его карьере. Несколько раз до него донеслась фамилия «Скримджиэр», и один раз он расслышал слово «Фрэнсис».

Под конец генерал, по-видимому, в сердцах, что-то раскричался и закончил свою крикливую фразу словами:

– Фрэнсис Ванделер! Я вам говорю – Фрэнсис Ванделер!

На последнем слове он сделал ударение.

Диктатор всем корпусом сделал движение – полупрезрительное, полуутвердительное, но самого его ответа молодой человек не расслышал.

Он, что ли, был этот Фрэнсис Ванделер, о котором шла речь? О том ли спорили братья, под какой фамилией ему венчаться? Или все дело это было – пух, мечта, самообольщение?

После второй паузы в этом неслышном разговоре, между двумя братьями под каштаном, по-видимому, опять возник спор, потому что генерал снова возвысил голос и загремел на весь сад:

– Моя жена! Я с ней разделался окончательно. Не упоминай мне о ней! Меня тошнит от одного ее имени!

Он громко выбранился и ударил по столу кулаком.

Диктатор стал дружески успокаивать его, и через некоторое время пошел провожать его к воротам. Братья довольно дружелюбно пожали друг другу руки, но когда ворота закрылись за гостем, Джон Ванделер расхохотался неприятным злым смехом, который показался Фрэнсису Скримджиэру даже сатанинским.

Так прошел этот день. Фрэнсис больше ничего нового не узнал, но он вспомнил, что завтра вторник, и решил, что ему наверное удастся открыть еще что-нибудь. Все могло быть и хорошо, и дурно. Во всяком случае, он рассчитывал собрать любопытные сведения и даже, может быть, при удаче, проникнуть в самую сердцевину тайны, окружавшей его отца и его семью.

К обеденному часу в саду около дома с зелеными ставнями сделаны были некоторые приготовления. Тот стол, который отчасти был виден Фрэнсису сквозь листья каштана, очевидно служил вместо буфета или стола для закусок, на него ставили перемены блюд, салаты, разные приправы, а за другим столом, которого не было видно совсем, уселись обедающие. Фрэнсис сквозь листья каштана видел, как ему показалось, блеск белой скатерти и серебряной посуды.

Минута в минуту явился мистер Ролльс. Он держал себя настороже, говорил тихо и очень мало. Наоборот, диктатор, казалось, был особенно в ударе и часто смеялся, его смех раздавался в саду очень молодо и приятно для слуха. По интонациям его голоса можно было догадаться, что он рассказывает что-нибудь очень смешное и веселое, потому что он подражал акценту всевозможных народов. Не успели оба, то есть он и молодой пастор, допить свой вермут, как

уже между ними исчезло всякое чувство недоверия, и они повели дружескую беседу, точно два старых школьных товарища.

Наконец появилась и мисс Ванделер, неся миску с супом. Мистер Ролльс подбежал взять у нее миску, но она со смехом отказалась от его услуги. Все трое принялись между собой весело разговаривать и шутить.

Слов Фрэнсис не слышал, слышал только все время гул голосов и стук ножей и вилок, ему даже сделалось завидно, глядя на этот веселый семейный обед и на дорогую сервировку. Переменилось несколько блюд, потом появился тонкий десерт и бутылка старого вина, которую собственноручно раскупорил диктатор. Когда стало темнеть, на стол поставили лампу, а на буфетный стол две свечи. Вечер был тихий, теплый, без малейшего ветерка. Свет, кроме того, шел от двери и окон веранды, так что сад был отлично освещен, и листья деревьев блестели в темноте.

Мисс Ванделер ушла в дом и вскоре вернулась с кофейным прибором на подносе и поставила его на буфетный стол. Отец ее сейчас же поднялся с места и Фрэнсис расслышал, как он сказал:

– Кофе – это по моей части.

Мистер Ванделер подошел к буфетному столу и встал так, что свечи его освещали.

Разговаривая через плечо, мистер Ванделер налил две чашки черного напитка и в тот же миг, с ловкостью фокусника, быстро вылил в чашку поменьше содержимое из какого-то крошечного пузырька. Сделано все это было до того проворно, что Фрэнсис, смотревший прямо на него, едва успел заметить проделку, как уж она была кончена. Вслед затем мистер Ванделер, продолжая смеяться, вернулся к обеденному столу, держа в каждой руке по чашке.

– Не успеете вы это выпить, как уже к вам явится ваш пресловутый еврей, – сказал он.

Невозможно описать смущение и горе Фрэнсиса Скримджиэра. Он видел, что у него на глазах совершается грязное, темное дело, а он не может ему помешать и не знает даже как. Может быть, все это только шутка, и его вмешательство было бы совсем неуместно? А если это и серьезно, то преступник, может быть, его отец, и тогда разве не будет он потом всю жизнь сокрушаться, что погубил своего отца? В первый раз за все время он обратил внимание на свое собственное положение в качестве шпиона. Быть пассивным зрителем такого дела и чувствовать в груди бурю самых противоположных чувств причиняло ему острую муку. Он схватился за раму окна, сердце его билось учащенно и тяжело, пот проступил по всему его телу.

Прошло несколько минут.

Казалось, что беседа затихает, становится все более и более вялой, но особенно страшного до сих пор ничего не произошло.

Вдруг послышался звон разбитой посуды и глухой, мягкий стук, как будто кто упал головой на стол. Вслед затем на весь сад раздался пронзительный крик.

– Что вы сделали? – вскрикнула мисс Ванделер. – Он умер.

Диктатор отвечал таким сильным, свистящим шепотом, что Фрэнсис, стоя у окна, расслышал каждое слово.

– Молчи! Он жив и здоров, как и я. Бери его за ноги, а я понесу его за плечи.

Фрэнсис услышал, как мисс Ванделер расплакалась и разрыдалась.

– Мисс Ванделер, вы слышали, что я сказал? – продолжал диктатор тем же свистящим шепотом. – Или вы желаете со мной спорить? Предоставляю вам выбирать.

Последовала новая пауза, потом опять стал говорить диктатор.

– Бери его за ноги, его нужно отнести в дом. Будь я немного помоложе, я бы один все сделал. Но годы и перенесенные труды и опасности сделали надо мной свое дело, руки мои ослабели, и мне теперь нужна твоя помощь.

– Но ведь это – преступление, – сказала молодая девушка.

– Я твой отец, – сказал мистер Ванделер. По-видимому, это напоминание оказало действие.

Послышалась на песке шумная возня, уронили стул, потом Фрэнсис увидел, что отец и дочь идут по дорожке к дому и несут на веранду за ноги и за руки бездыханное тело мистера Ролльса. Молодой кверджимен был неподвижен и бледен, и его голова при каждом шаге несущих качалась из стороны в сторону.

Живой он был или мертвый? Несмотря на заявление диктатора, Фрэнсис склонен был скорее думать последнее. Совершено было тяжкое преступление. Дому с зелеными ставнями грозила беда. К своему удивлению, Фрэнсис нашел, что в нем чувство ужаса перед преступлением поглотилось другим чувством – печалью и страхом за молодую девушку и за старика, который, как он думал, подвергался большой опасности. Прилив великодушия наполнил его сердце, он решил выступить на защиту своего отца против всего света, вопреки судьбе, вопреки правосудию. Растворив окно, он закрыл глаза и с распростертыми руками выбросился прямо на листву каштана.

Ветка за веткой выскальзывали у него из рук или ломались под его тяжестью. Наконец ему удалось ухватить руками большой крепкий сук и повиснуть на нем на одну секунду, но он сейчас же с него сорвался и тяжело упал на стол. Из дома послышался тревожный крик – значит, его увидели. Он вскочил на ноги и через три прыжка стоял уже перед дверью веранды.

В небольшой комнате, устланной рогожным ковром и заставленной кругом стеклянными шкафами, наполненными редкими вещами, стоял мистер Ванделер, наклонившись над телом мистера Ролльса. Когда Фрэнсис входил, он выпрямился и что-то быстро сделал рукой. Молодой человек не разглядел хорошенько, что именно, но ему показалось, будто диктатор что-то такое вынул из-за пазухи у пастора, мельком взглянул и сейчас же передал дочери. Все это произошло в один миг, пока Фрэнсис стоял на пороге. В следующий миг он был на коленях перед мистером Ванделером.

– Отец! – воскликнул он. – Позвольте мне вам помочь. Я знаю, чего вам хочется, и не задаю никаких вопросов. Я вам отдам всю свою жизнь, только отнесите ко мне как к сыну. Вы найдете во мне полную сыновнюю преданность.

Первым ответом диктатора был самый невозможный взрыв ругательств.

– Сын и отец? – крикнул он. – Отец и сын? Это мы-то с вами? Что за нелепая история? Как вы попали ко мне в сад? Что вам здесь нужно? И кто вы такой?

Удивленный и сконфуженный, Фрэнсис поднялся на ноги и молча стоял перед ним.

У мистера Ванделера явилась догадка. Он громко расхохотался.

– Ах, я понял! – воскликнул он. – Это Скримджиэр. Очень хорошо, мистер Скримджиэр. Я сейчас вам скажу несколько теплых слов. Вы проникли в мое частное жилище не то силой, не то обманом, но во всяком случае без моего разрешения, и для своих излишних выбрали чрезвычайно неудобный момент, когда за моим столом сделалось дурно гостю. Вовсе вы мне не сын. Вы незаконный сын моего брата от одной рыбачки, если вы желаете знать. До вас мне никакого нет дела. Я к вам отношусь с полным равнодушием, которое близко граничит с отвращением, а теперь вы и поведением своим доказали, что оно вполне соответствует вашей внешности. Советую вам подумать обо всем этом на досуге, а теперь позвольте вас попросить – избавить нас от вашего присутствия. Если бы я не был так занят, – прибавил он с ужасным ругательством, – я бы вам задал перед вашим уходом хорошую трепку.

Фрэнсис слушал все это, испытывая глубокое унижение. Если бы было можно, он бы убежал, но ему никак нельзя было самому выбраться из дома, в который он так неблагоразумно забрался. Ему оставалось только глупейшим образом стоять на месте.

Молчание прервала мисс Ванделер.

– Отец, вы раздражены, оттого так и говорите, – сказала она. – Мистер Скримджиэр мог ошибиться, но намерения у него добрые и честные.

– Благодарю вас за ваши слова, – возразил диктатор. – Вы ими кстати напомнили мне о моих собственных взглядах на честность и порядочность мистера Скримджиэра. Мой брат, – продолжал он, обращаясь к молодому человеку, – был настолько глуп, что подарил вам ежегодную ренту. Еще того глупее его затея – устроить брак между вами и моей дочерью. Вы показываете ей себя целых два вечера подряд, с радостью могу сообщить, что моя дочь относится к этому проекту с полным отвращением. Позвольте мне прибавить, кроме того, что я имею большое влияние на своего брата, и не я буду, если на этой же неделе не уговорю его отнять у вас ренту, которую он вам подарил, и посадить вас опять в банк за вашу конторку.

Тон старика и его голос были еще оскорбительнее самих слов. Фрэнсис почувствовал себя жестоко, невыносимо оскорбленным и обесчещенным, у него закружилась голова, он закрыл себе лицо обеими руками и выпустил из груди тяжкий, мучительный вздох. Тут опять за него заступилась мисс Ванделер.

– Мистер Скримджиэр, – сказала она ясно и отчетливо, – вы не должны смущаться от грубых слов моего отца. Никакого отвращения я к вам не чувствую. Наоборот, я даже просила доставить мне случай познакомиться с вами поближе. Уверяю вас, то, что случилось в нынешний вечер, внушает мне к вам только сочувствие и уважение.

В это время мистер Ролльс конвульсивно пошевелил рукой, и Фрэнсис убедился, что викария только опоили наркотическим снадобьем, от которого он начинает приходить в себя. Мистер Ванделер наклонился над ним и с минуту рассматривал его лицо.

– Ну, вот что! – воскликнул он, приподнимая его голову. – Пора кончать эту музыку. А так как вам очень нравится поведение этого незаконнорожденного, мисс Ванделер, то потрудитесь взять свечку и выпроводить его отсюда.

Молодая девушка сейчас же послушалась.

– Благодарю вас, – сказал Фрэнсис, когда они вдвоем вышли в сад. – Благодарю вас от всей души. Это был самый тяжелый вечер в моей жизни, но, благодаря вам, я сохраню о нем приятное воспоминание.

– Я сказала, что чувствовала, – отвечала она, – и что считала справедливым по отношению к вам. Мне было чересчур тяжело видеть, что к вам так нехорошо отнеслись.

Они дошли до ворот. Мисс Ванделер поставила свечку на землю, а сама принялась отодвигать запоры.

– Еще одно слово, – сказал Фрэнсис, – скажите мне в последний раз, увидимся ли мы когда-нибудь, или никогда больше не увидимся?

– Увы! – сказала она в ответ. – Вы ведь слышали, что говорит отец. Могу ли я не слушаться?

– Скажите мне по крайней мере, что вы сами с этим не согласны, что вы не прочь были бы увидеться со мной опять.

– Отец сказал неправду, – отвечала она, – я считаю вас хорошим, честным человеком.

– Так дайте мне что-нибудь на память, – сказал он.

Она с минуту молчала, положив руку на ключ, который уже вложила в замок. Все засовы были отодвинуты, оставалось только повернуть ключ в замке.

– Если я это сделаю, – сказала она, – обещаете ли вы мне исполнить в точности все, что я вам скажу?

– Как вы можете спрашивать? – отвечал Фрэнсис. – Да я по одному вашему слову сделаю с радостью все, что угодно.

Она повернула ключ и отворила дверь.

– Так и быть, – сказала она. – Вы сами не знаете, чего просите, но так уж и быть. Что бы вы ни услышали, – продолжала она, – что бы такое ни произошло, не возвращайтесь ни в коем случае в этот дом. Насколько хватит у вас сил, поспешите возвратиться в освещенные и населенные кварталы города. Но и там будьте осторожны. Вы подвергаетесь большой опасности,

хотя и не знаете этого. Обещайте мне также, что вы не взглянете на то, что я вам отдам сейчас, до тех пор, пока вы не дойдете до совершенно безопасного места.

– Обещаю, – сказал Фрэнсис.

Она вложила в руку молодого человека что-то обернутое в носовой платок, потом с силой, которую в ней трудно было предположить, вытолкнула его из ворот на улицу.

– Бегите! – крикнула она ему.

Он услышал за собой стук закрывшихся ворот и задвигаемых засовов.

– Я обещал, надо исполнить! – сказал он.

И он побежал со всех ног по переулку, который вел на улицу Равиньян.

Он отошел не более полусотни шагов от дома с зелеными ставнями, как среди ночной тишины раздался адски ужасный крик. Он невольно остановился. Другой прохожий последовал его примеру. Из окон соседних домов стала выглядывать публика. Пожар наделал бы, кажется, не больше переполоха в этом пустынном квартале. А между тем кричал как будто один человек. Но он ревел в злобе и бешенстве, точно львица, у которой украли детенышей, и Фрэнсис с изумлением и тревогой услышал свое имя, выкрикиваемое среди английской брани, разносившейся по воздуху.

Первым его движением было вернуться к дому, но вслед затем он вспомнил наставление мисс Ванделер и побежал еще быстрее. Вдруг мимо него, словно ядро, выпущенное из пушки, пронесся без шляпы, с распущенными седыми волосами, крича во все горло, сам диктатор и помчался дальше по улице.

– Чего ему нужно от меня? – думал про себя Фрэнсис. – И чем он так возмущен? Не могу себе представить. Но во всяком случае это для меня сейчас совсем неподходящая компания, и я лучше последую наставлению мисс Ванделер.

Он повернулся, чтобы спуститься вниз по улице Лепик, предполагая, что старик побежит по другой стороне и в другом направлении, но план оказался плохо задуманным. По существу дела, ему бы следовало забежать в ближайший ресторан и там выждать, чтобы улегся первый пыл преследования. Но помимо полного неумения вести «малую войну», Фрэнсис вдобавок считал себя совершенно неповинным в чем-либо дурном и убежал только потому, что не желал иметь опять неприятное свидание. Ему и в голову не приходило, что мисс Ванделер сказала ему не все и кое о чем умолчала. Он совершенно не понимал, из-за чего старик продолжает беситься, и должен был признать, слушая его ругательства, что бранится он положительно мастерски.

Тут он вспомнил, что с него свалилась шляпа, когда он падал на каштан. Он зашел в первый попавшийся магазин, купил себе дешевенькую широкополую шляпу и привел немного в порядок свой туалет. Подарок, завернутый в платок, он запрятал поглубже в карман брюк.

Только он вышел из магазина, как почувствовал на своей шее чью-то руку, увидел перед собой чье-то свирепое лицо и услышал невероятную брань. Диктатор, не найдя следов беглеца, повернулся, побежал другой дорогой и вот изловил его. Фрэнсис был дюжий парень, но он не мог равняться силой и ловкостью со своим противником. После недолгой борьбы он вынужден был сдаться.

– Что вам от меня нужно? – сказал он.

– Мы об этом дома поговорим, – злобно ответил диктатор.

Он потащил молодого человека вверх по холму, по направлению к дому с зелеными ставнями.

Но Фрэнсис, хотя и прекратил борьбу, все-таки не примирился со своей участью и ждал только случая, чтобы вернуть себе вновь свободу. Вдруг он рванулся изо всех сил и, оставив в руках мистера Ванделера воротник своего сюртука, с чрезвычайной быстротой пустился бежать по направлению к бульварам.

Шансы переменялись. Диктатор был сильнее, зато Фрэнсис, цветущий юноша, был быстрее на ноги и скоро совершенно скрылся от него в толпе. Немного передохнув, он снова побежал вперед и вышел на Place de l'Opéra, освещенную, как днем, электрическими фонарями.

– Здесь уж я в полной безопасности, с этим сама мисс Ванделер была бы согласна, – подумал он.

Он повернул направо вдоль бульваров и вошел в американский ресторан, где спросил себе пива. Для одних посетителей было слишком поздно, для других слишком рано, поэтому публики в ресторане было немного. Всего двое или трое мужчин сидело за отдельными столиками в зале, и занятый своими мыслями Фрэнсис даже не заметил их.

Он достал из кармана сверток. Завернутая вещь оказалась сафьяновым футляром с золотым тиснением. Фрэнсис нажал пружинку. Футляр открылся, и прямо в испуганные глаза юноши сверкнул бриллиант чудовищной величины и необыкновенно яркого блеска. Неожиданность была так велика, появление бриллианта до такой степени необъяснимо, а ценность его так огромна, что Фрэнсис как был, так и остался сидеть с открытым футляром в руке, смотря на него тупо и бессознательно, точно человек, пораженный внезапным помешательством.

На его плечо легла легко, но твердо чья-то рука, и спокойный голос, в котором звучали властные ноты, проговорил ему на ухо:

– Закройте футляр и приведите в порядок свое лицо.

Он поднял глаза и увидел еще нестарого мужчину со спокойной великосветской осанкой, одетого с роскошной простотой. Этот мужчина встал из-за соседнего столика и пересел к Фрэнсису, захватив свой стакан.

– Закройте футляр, – повторил незнакомец, – и спрячьте его обратно в свой карман, где он как мне думается, до этого дня еще никогда не был. Сбросьте с себя этот изумленный вид и держите себя так, как будто мы с вами старые знакомые и встретились здесь случайно. Так. Ну, чокнитесь со мной стаканом. Вот это гораздо лучше. Кажется, сэр, вы любитель?

Последние слова незнакомец произнес с улыбкой особенного значения, откинулся на спинку стула и глубоко затянулся табаком.

– Скажите, ради Бога, кто вы такой, и что значат эти намеки? – сказал Фрэнсис. – Мне почему-то кажется, что вы можете мне дать добрый совет. Дело в том, что сегодня вечером я попал в самые запутанные приключения, и все те люди, с которыми мне пришлось иметь дело, держали себя до такой степени странно, что я спрашивал себя, уж не попал ли я на другую планету? Ваше лицо внушает мне доверие, вы мне кажетесь добрым, умным и искренним человеком, скажите мне, ради Бога, почему вы обратились ко мне таким странным, необычным путем?

– Все в свое время, – отвечал незнакомец. – Но моя очередь первая спрашивать, и потому вы должны мне сначала сказать, какими судьбами к вам попал «бриллиант раджи»?

– Бриллиант раджи? – повторил как эхо, Фрэнсис.

– Не надо говорить так громко... Да, разумеется, у вас в кармане «бриллиант раджи». Я много раз видел его и брал в руки в коллекции сэра Томаса Ванделера.

– Сэра Томаса Ванделера! Генерала! Моего отца! – воскликнул Фрэнсис.

– Вашего отца? – повторил незнакомец. – Я не знал, что у генерала есть дети.

– Сэр, я внебрачный, – сказал Фрэнсис и покраснел.

Незнакомец поклонился с серьезным видом. Поклон был почтительный, кланяющийся хотел показать, что он понимает все и признает собеседника своим равным. Фрэнсис, сам не зная отчего и почему, успокоился и утешился. Общество незнакомца приносило ему заметную пользу и удовольствие. Он проникался к незнакомцу все больше и больше уважением и кончил тем, что снял и положил свою широкополую шляпу, как бы чувствуя себя в присутствии начальства.

– Я замечаю, – сказал незнакомец, – что ваши приключения были не особенно мирного характера. У вас оторван воротник, исцарапано лицо и ранен висок. Быть может, вы извините мое любопытство, если я вас спрошу, как это вам удалось заполучить в свой карман краденую вещь такой громадной цены?

– Я должен внести поправку в ваши слова, – возразил Фрэнсис. – У меня нет никакой краденной вещи. Если вы намекаете на бриллиант, то мне его дала час тому назад мисс Ванделер на улице Лепик.

– Мисс Ванделер на улице Лепик! – повторил собеседник. – Вы заинтересовали меня больше, чем сами думаете. Продолжайте, пожалуйста.

– Боже мой! – воскликнул Фрэнсис.

Память его сделала внезапный скачок. Ему живо представился мистер Ванделер, вынимающий из кармана одурманенного гостя какую-то вещь. Теперь он был твердо убежден, что это и был сафьяновый футляр.

– Вы что-нибудь вспомнили или сообразили? – спросил незнакомец.

– Слушайте, – сказал Фрэнсис. – Я не знаю, кто вы такой, но мне кажется, что вам можно довериться и даже получить от вас помощь. Я ничего не понимаю из происшедшего. Вы должны мне дать совет и оказать поддержку, и так как вы сами просите, то я вам расскажу все.

И он вкратце рассказывал все, что с ним было, начиная с того дня, как его пригласили из банка в адвокатскую контору.

– Ваш рассказ просто необыкновенен, – сказал незнакомец, когда молодой человек закончил рассказывать, – и ваше положение очень затруднительно и опасно. Многие на моем месте стали бы советовать вам отыскать вашего отца и отдать ему бриллиант, но у меня другие соображения. Человек! – позвал он.

Подбежал официант.

– Позовите мне на минутку распорядителя, – сказал он. – Мне нужно сказать ему два слова.

Официант сходил за распорядителем, который подошел и поклонился с заискивающей почтительностью.

– Чем могу служить? – спросил он.

– Будьте добры, – отвечал незнакомец, указывая на Фрэнсиса, – скажите этому господину, кто я такой.

– Вы имеете честь, сударь, – сказал распорядитель, обращаясь к молодому человеку, – сидеть за одним столом с его высочеством принцем Флоризелем Богемским.

Фрэнсис поспешно встал и сделал принцу глубокий поклон. Принц попросил его сесть на свое место.

– Благодарю вас, – обратился Флоризель к распорядителю. – Мне очень жаль, что я вас побеспокоил из-за таких пустяков. Можете идти!

И он отпустил распорядителя движением руки.

– А теперь, – сказал принц Фрэнсису, – дайте мне сюда бриллиант.

Ни слова не говоря, юноша передал ему футляр.

– Вы хорошо сделали, – сказал Флоризель, – ваше чувство указало вам верный выход, и вы потом всю жизнь будете благодарить Бога за злоключения нынешней ночи. Человек может попадать во всевозможные переплеты, мистер Скримджиэр, но если у него честное сердце и светлый ум, то он из всякого затруднения найдет почетный выход. Успокойтесь вполне. Ваше дело в моих руках, а я достаточно силен для того, чтобы с Божьей помощью привести его к благополучному концу. Пройдемтесь со мной, пожалуйста, до моего экипажа.

Принц встал и оставил официанту золотую монету, повел молодого человека из ресторана на бульвар, где принца дождалось скромное купе с двумя слугами не в ливреях.

– Эта карета в вашем распоряжении, – сказал он. – Соберите свой багаж, как можно скорее, и мои слуги отвезут вас на дачу в окрестностях Парижа, где вы будете жить в полной безопасности и с некоторым комфортом до того времени, пока устроится ваше дело. Вы найдете там приятный сад, библиотеку хороших книг, повара, винный погреб и запас порядочных сигар, которые я рекомендую вашему вниманию. Жером, – прибавил он, обращаясь к одному из слуг, – вы слышали, что я сказал? Поручаю мистера Скримджиэра вашим заботам. Вы, я это знаю, сумеете хорошо позаботиться о моем друге.

Фрэнсис стал горячо, но довольно бессвязно благодарить.

– Вы успеете меня поблагодарить тогда, когда будете узаконены своим отцом и женитесь на мисс Ванделер, – сказал принц.

С этими словами принц повернулся и пошел по направлению к Монмартру. Он крикнул первого проезжавшего извозчика, дал адрес и через четверть часа звонил уже у ворот мистера Ванделера, отпустив извозчика, немного не доезжая до дома.

Диктатор с величайшими предосторожностями отпер ворота сам.

– Кто это? – спросил он.

– Извините за поздний визит, мистер Ванделер, – отвечал принц.

– Вы, ваше высочество, всегда у нас желанный гость, – сказал мистер Ванделер, отступая и давая дорогу.

Принц вошел в открытую половину ворот и, не дожидаясь хозяина, направился прямо в дом и отворил дверь в гостиную. Там сидели двое: мисс Ванделер, у которой были заплаканные глаза и которая временами всхлипывала, и молодой человек, в котором принц сейчас же узнал клерджимена, месяц тому назад в курительной комнате клуба спрашивавшего у него совета, что ему читать.

– Добрый вечер, мисс Ванделер, – сказал Флоризель. – У вас очень утомленный вид. Мистер Ролльс, если не ошибаюсь? Я надеюсь, что чтение романов Габорио принесло вам пользу, мистер Ролльс?

Но молодому человеку было не до разговоров, он находился в большом огорчении. Поэтому он только чопорно поклонился, продолжая кусать себе губы.

– Какой добрый ветер занес вас к нам, ваше высочество? – сказал вошедший следом за гостем мистер Ванделер. – Чему я должен приписать такую неожиданную честь?

– Я приехал по делу, – отвечал принц. – У меня есть дело к вам, а когда мы его кончим, я попрошу мистера Ролльса пройти со мной погулять. Мистер Ролльс, – прибавил он строго, – позвольте вам напомнить, что я еще не садился.

Клерджимен вскочил со стула и извинился. Принц сел в кресло у стола, вручил свою шляпу мистеру Ванделеру, а палку мистеру Ролльсу и, заставив их таким образом стоять и служить ему, сказал следующее:

– Я сказал, что приехал сюда по делу. Если бы я приехал для удовольствия, то мне бы очень не понравился прием, который мне здесь оказали, и само общество, в котором я нахожусь. Вы, сэр, – сказал он Ролльсу, – нарушили правила приличия по отношению к лицу высокого сана, а вы Ванделер, хотя и встретили меня с улыбкой, но, вы сами знаете, у вас руки запачканы грязным поступком. Я не желаю, чтобы меня перебивали, – вставил он повелительно. – Я явился сюда говорить, а не слушать. Предлагаю вам выслушать меня почтительно и то, что я скажу, исполнить в точности. Ваша дочь в ближайший удобный день должна быть обвенчана в посольской церкви с моим другом мистером Скримджиэром, приемным сыном вашего брата. Вы будете любезны дать за нее не менее десяти тысяч фунтов приданого. А для вас я придумал очень важное поручение в Сиаме, и вы получите письменную инструкцию. Прошу, сэр, ответить мне в двух словах, принимаете ли вы эти условия или нет?

– Простите, ваше высочество, – сказал мистер Ванделер, – но позвольте мне почтительнейше задать вам два вопроса.

– Позволяю, – сказал принц.

– Вы сейчас изволили сказать, что мистер Скримджиэр ваш друг, – продолжал диктатор. – Поверьте, ваше высочество, если бы я знал, что он имеет честь быть вашим другом, я бы отнесся к нему совершенно иначе.

– Вы поставили вопрос очень ловко, – отвечал принц, – но только это вам нисколько не поможет. Я вам предъявил свои требования. Если бы даже я этого джентльмена до сегодняшнего вечера ни разу не видел, то это ничего не меняет.

– Ваше высочество, вы угадали мою мысль с обычной вашей тонкостью, – отвечал Ванделер. – Теперь еще одно: я, к несчастью, направил полицию по следам мистера Скримджиэра, обвиняя его в краже. Должен ли я это обвинение взять обратно или могу его поддерживать?

– Это уже как вам будет угодно самим, – сказал Флоризель. – Здесь вопрос вашей личной совести и местных законов. Дайте мне мою шляпу, а вы, мистер Роллс, отдайте мне мою палку и ступайте за мной. Доброго вечера, мисс Ванделер. Я принимаю, – сказал он мистеру Ванделеру, – ваше молчание за безусловное согласие.

– Делать нечего, я покоряюсь, – отвечал старик, – но только предупреждаю вас откровенно, ваше высочество, что дело не обойдется без борьбы.

– Вы старик, – сказал он, – а преклонные годы неблагоприятны для зла. Не делайте мне вызова, а то я могу оказаться жестокосерднее, чем вы воображаете. В первый раз случилось так, что я, исполненный неприязни, становлюсь вам поперек дороги. Позаботьтесь о том, чтобы этот первый раз был и последним.

С этими словами, заставляя викария идти за собой, Флоризель вышел из дома и направился через сад к воротам. Диктатор шел за ним со свечкой и светил, а у ворот отдал ему свечку и сам стал отпирать все свои хитрые запоры и засовы.

В воротах принц обратился к нему в последний раз.

– Вашей дочери здесь нет, – сказал он, – позвольте вам сказать, что я отлично понял ваши угрозы. Но вам стоит только поднять руку и вы навлечете на себя внезапную и непоправимую гибель.

Диктатор не дал никакого ответа, но когда принц повернулся к нему спиной и пошел, взбешенный старик сделал вслед ему угрожающий жест и сейчас же, тихонько завернув за угол, пустился со всех ног бежать до первой извозчицей биржи.

(Здесь, – говорит мой араб, – нить рассказа окончательно отходит от «Дома с зелеными ставнями». Еще одно приключение, – прибавляет он, – и с «Бриллиантом раджи» будет покончено. Это последнее звено в цепи событий известно среди жителей Багдада под названием «Принц Флоризель и сыщик»).